

Е.Н. Бекасова
Оренбург

Победу, побезу, побезду ...
(грамматическая форма в свете показаний
языкового сознания)

Яркой особенностью системы русского языка является наличие исторических чередований, при этом в отличие от других славянских языков они могут быть представлены генетически неоднородными рефлексамии, что обусловлено влиянием старославянского (а в дальнейшем церковнославянского) языка на становление и развитие русского литературного языка. Наиболее показательной в этом плане является позиция перед окончанием -у 1 л. ед. ч., где фиксируется не только наличие восточнославянских и южнославянских альтернантов, но и их отсутствие. Особо следует отметить образования от глаголов с исходом на -дить.

В современном русском литературном языке формы 1 л. ед.ч. с альтернантом *ж* «признаются единственной нормой для всей группы глаголов <на -дить>: *вынужу* (вынудить), *принужу* (принудить), *загражу*, *утвержу*, *прегражу*, *наслажусь*, *вознагражу*. <...> Даже самые редкие глаголы с основой, оканчивающейся на *д*, в 1-м лице подчиняются общей закономерности: *чадить* – *чажу*, *лихорадить* – *лихоражу*, *обезводить* – *обезвожу*, *обессудить* – *обессужу*, *обезнародить* – *обезнарожу*, *обезлюдить* – *обезлюжу*, *кадить* (в значении курить ароматическими веществами и переносах к нему) – *кажу*, *гудеть* – *гужу*» [Граудина 1980: 216].

Особого замечания требуют две формы на -жду: *стражду* (книжн. устар.) и *жажду* (от *жаждать* ‘испытывать жажду’ книжн. устар.; ‘сильно, страстно желать чего-л.’ книжн.), которые относятся к группе «отдельных слов», характеризующихся изолированностью и непродуктивностью образования форм. В связи с этим их следует рассматривать как рудименты прежнего сосуществования гетерогенных альтернантов в пределах смешанного типа чередования с рефлексамии *dj.

Современная норма реализации рефлексов *dj в 1 л. ед. ч. нарушает идентичность альтернатиции в цепи целого ряда соеди-

нённых при помощи формо- и словообразовательных связей однокоренных лексем, ср.: *освободить – освобождать, освобождённый, освобождение*, но *освобожу*; *возродить – возрождать, возрождённый, возрождение*, но *возрожу*; *побудить – побуждать, побуждённый, побуждение*, но *побужу*; *угодить – угождать, угождение*, но *угожу*; *обсудить – обсуждать, обсуждённый, обсуждение*, но *обсужу* и др.

В этом проявляются различия в функционировании рефлексов *dj и *tj, традиционно рассматриваемых как явления одного порядка. Альтернант /ш/, в отличие от позиционно «ущербного» /жд/, прослеживается практически в той же синтагматической цепочке¹, что и его восточнославянский эквивалент, ср.: *воплотить – воплощу, воплощать, воплощение* и *кипятить – кипячу, кипячённый, кипячение*. Все это обуславливает необходимость акцентирования специфики чередования в формах 1 лица. Так, С.П. Обнорский указывает на две возможности образования 1 лица настоящего времени: «без смягчения конечной согласной (тип *молотю, ходю, пустью* и под.)», что характерно в большей степени для южновеликорусского наречия и sporadически встречается в области севернорусских говоров, и «идущие от старинной нормы» особенности замены согласных *д* и *т* в формах 1 лица глаголов II спряжения «на *ж* и *ч* по русской норме или *жд* и *щ* по древнеболгарской норме (в заимствованиях из церковнославянского языка)» [Обнорский 1953: 109]. При этом отмечается, что «формы с *ж*» «вообще должны признаваться единой формой для всей подходящей группы глаголов. Поэтому следует литературными формами считать для современной стадии не только *брежу, врежу, вынужу, принужу, досажу, насажу, загражу, огражу, освобожу, утвержу, утружу* и под., но и *возбужу, прегражу, наслажусь, награжу, вознагражу, предупрежу, побегу, убежу, убежусь*. Тем более образования с *ж* должны признаваться нормативным для таких глаголов, как *дудить, чудиться, бдеть*, которые выделяются иногда нашими грамматистами, выставляющими для них совершенно искусст-

---

¹ Исключение составляют формы на *-ивать, -ивание*, где южнославянские по происхождению альтернанты не встречаются.

венные формы без чередования согласного основы – *дудю, чюдюсь, бдю*» [Обнорский 1953: 113].

Феномен отсутствия ожидаемого в соответствии с реализуемой альтернативой рефлекса /жд/ – явление показательное и отмеченное многими исследователями. С этим обычно связывают отсутствие у некоторых глаголов форм 1 л. ед. ч.

Проблема дефектной личной парадигмы неоднозначно решается в научной литературе. Как правило, отсутствуют чёткие предписания относительно употребления и образования целого ряда форм 1 лица, а также однозначные указания на причины неупотребительности данной формы у некоторых глаголов.

В частности, в грамматиках современного русского литературного языка 1970 и 1980 годов отмечается возможность образования личных форм от любого глагола, чему, однако, могут препятствовать лексическое значение, несовместимое со значением форм 1 лица ед.ч., «традиционные представления о неблагозвучии» форм и произносительные неудобства (например, для *бдеть*), традиции употребления [Гр. 80: 661], а также стремление избежать омонимического совпадения словоформ разных глаголов [Гр. 70: 413].

Данные положения иллюстрируются списками глаголов: около 60 глаголов в Гр. 70 и около 70 – в Гр. 80. Однако З.К. Тарланов утверждает, что глаголов с неполной личной парадигмой в современном русском литературном языке около 4900 [Тарланов 1979: 66], при этом на долю глаголов «терминологического происхождения, многие из которых полностью или частично восходят к заимствованиям из западноевропейских языков», и «слов с аффиксом *-ся*, исключаяющим по смыслу их употребление в 1 и 2 лицах», приходится 90% всех случаев [там же: 70]. Естественно, их неупотребительность, как считает З.К. Тарланов, связана не «с традицией или стремлением к благозвучию», а с семантическими и жанровыми основаниями [там же: 71].

Различия в перечне глаголов и критериев отсутствия формы 1 л. ед. ч. обуславливают противоречия в установлении кодифицированной нормы. Во-первых, сведения о том, что у глаголов *желтеть, мутить, приютить, нудить (разг.), чадить* «избегаются в употреблении формы 1 лица ед. ч.» [Гр. 80: 660], не

подтверждаются данными нормативных словарей, где фиксируются *желчу, мучу, приочу, нужу, чажу*. Во-вторых, наличие разговорных (*звоздить, дудить, гнусить, бузить, чудесить, елозить*), просторечных (*шкодить, сбрендить, лямзить*) и даже диалектных (*ерундить*) глаголов, составляющих почти четверть приведённых в Гр. 80 глаголов с неполной личной парадигмой, ставит под сомнение предлагаемый список, так как в просторечии, разговорной речи и диалектах не существует запретов на употребление форм 1 л. ед. ч. и их разнообразное оформление. В-третьих, есть случаи различий утверждения нормы. В частности, глагол *ощутить* в Гр. 80 на с. 660 включён в список глаголов, не имеющих формы 1 л. ед. ч., а на с. 677 в перечне форм 1 лица с чередованием /т'-ш'/ имеется форма *ощушу*.

Таким образом, вырисовывается проблема не запрета употребления форм 1 л. ед. ч. у некоторых глаголов, а специфики представления альтернативы глаголов, недавно вошедших или претендующих на вхождение в систему русского литературного языка.

Столкновение узуальной нормы, допускающей существование форм 1 лица без альтернативы, и кодифицированной альтернативы приводит к вариативности форм типа *пылесосу /пылесосу, бузю/бузю, шкодю/шкожу, очутюсь /очучусь*, в результате чего возникает не только проблема выбора, в принципе невозможная по нормам русского литературного языка, но и иллюзия недопустимости употребления формы 1 л. ед. ч. При этом выдвигаемый в Гр. 80 критерий «традиционного представления о неблагозвучии» – один из самых расплывчатых и научно некорректных. Фактически неблагозвучием объяснено существование лишь формы *чту* от *читать*, в то время как неупотребительность *ерунжу* (диал.), *мучу* (*мутить*) мотивируется не произносительными неудобствами, а следованием традиции [Гр. 80: 661].

Следует отметить, что синтагматическое и парадигматическое выравнивание свойственно именно формам 1 л. ед. ч. вследствие необходимости реализации в большинстве из них альтернативы, а также значительной их распространённости в разговорной речи, где ослаблено действие литературной нормы.

В своей речевой практике носители нередко сталкиваются с проблемой выбора формы 1 л. ед. ч. Достаточно нагляден результат такого выбора в произведении В. Высоцкого «Про дико-го вепря», где «бывший лучший, но опальный стрелок» отвечает королю: «Чуду-юду я и так *победю!*». Отвергнуты пафосно-монументальное, хотя и кодифицированное «*одержу победу*», и отдающее высокой «славенщиной» *побежду*, и ассоциирующееся с поражением *побежу*. Только форма с отсутствием обязательного для литературного языка чередования, но распространённая в народной речи и так удачно вписывающаяся в ритм и рифму стиха создаёт образ бесшабашного и решительного героя. По-другому решает проблему выбора учёный Сморчок из мультфильма «Как грибы с Горохом воевали», когда понимает, что ни одна из возможных форм не вписывается в его «учённость», и в растерянности переходит к откровенно вульгарному, но агрессивному описательному обороту: «Я его интеллектом *победю, побежу, побежду...забью его мозгами*».

В современной ситуации всё чаще возможные варианты формы 1 л. ед. ч. используются как средство характеристики героя или создания эффекта языковой игры, например: «Да я и так *приючу... приютю... буду приютать*», «Сама пеку из хорошего теста. Я сама его *месю*. Или *мешу?*» (телесериалы по романам Д. Донцовой); «Ты хотел поразить?» – «А я и сейчас *поразю*, кого встречу, того и *поразю*» (телесериал «Фаворский»); «Я не *каркаю*, я *пропрокую*»; «Так это ты мстишь?» – «Никому я не *мстю*». – «Правильно говорить – *мицу*». – «Перестань! Он свободный человек – как хочет, так и говорит» (телесериал «Агентство НЛС»); «Не боюсь, в губернаторы *годюсь!*» – «Не *годюсь*, а *гожусь*». – «А я *годюсь!*» (Интервью кандидата – НТВ, 17 августа 2008 г.); «Я траву *кошу*. Или *кошу?* О чём *грусто*. Или *грущу?*» (мультфильм «Как грибы с Горохом воевали»).

Некодифицированные формы 1 л. ед. ч. могут выступать и как маркеры неофициального, непринуждённого общения реальных людей: «Я не звезда. Я не *хожу* и не *звезжу!*» (интервью с балериной Дианой Вишневой. «Блокнот», 1 ноября 2004 г.), «*Скоммунизжу* из журналов типа «Радио» 80-х годов» (Журнал «Хакер». – №7 – 2002. – С.45).

Если для диалекта и просторечия традиционной скорее всего будет форма без альтернативы типа *ерундю* и *мутю*, то неупотребительность форм в литературном языке типа *побежу*, *убежу*, *чужу* связывается с тем, что «возможное в этих формах чередование д–ж не подкрепляется аналогичным сочетанием в других формах тех же глаголов» [Розенталь 1974: 175]. Однако принять такое объяснение не представляется возможным уже потому, что в других случаях отсутствие такого «подкрепления» не препятствует наличию форм 1 л. ед. ч. у глаголов *заградить*, *насадить* ('внедрить', *распространить*'), *оградить*, *осадить*, *предупредить*, *усладить*, *утвердить* и др.

Тем не менее затруднения в реализации по современной норме генетически чужого альтернанта /жд/, с одной стороны, поддерживаемого однокоренными образованиями, а с другой – не имеющего аналогий в форме 1 лица, типично оканчивающейся на *-жу*, в определённой степени усиливают действие других причин, обуславливающих наличие неполной личной парадигмы и у других глаголов.

Данные причины также вызывают наиболее значительные затруднения в образовании форм 1 лица у реализующих южнославянский по происхождению тип чередования корней и разнообразие их морфонологического облика. Об этом свидетельствуют результаты экспериментального исследования, проводимого с 1990 г. среди студентов педколледжей и вузов, учащихся школ и учителей русского языка и литературы Оренбургской области. С учётом возрастных особенностей участникам эксперимента предлагались списки глаголов, от которых следовало образовать формы 1 л. ед. ч. настоящего (простого будущего) времени.

Особенности употребления и оформления форм 1 л. ед. ч. свидетельствуют о наличии 3 групп глаголов, где образование данных форм происходит с разной степенью затруднения:

1. Несмотря на запреты по нормам современного литературного языка, в среднем в 86% случаев школьники и в 72% – студенты считают возможным образование форм типа *побежу*,

убежу, чужу (соответственно 52%² и 37%), *победу, убедю, чудю* (25% и 19%), *побежду, убежду, чужду* (9% и 16%).

В этой связи следует отметить, что Л.К. Граудина считает утверждение об отсутствии у глаголов *победить, убедить, переубедить* формы 1 л. ед. ч. спорным: «Для глагола *победить* В.И. Чернышёв в стилистической грамматике рекомендовал две формы – *побежу* и *побежду*. Вторая форма современной нормой уже отвергнута, но и первая не принята» [Граудина 1980: 217]. Наши исследования также показывают, что школьники и студенты признают кодификацию отсутствия формы 1 л. ед. ч. у некоторых глаголов соответственно в 28% и 14% случаев и используют потенциальные формы 1 л. ед. ч. значительно чаще, нежели обороты, предписываемые современной нормой.

Аналогичная картина наблюдается и в глаголах на *-тить*, где респонденты вместо предписываемого грамматиками современного русского литературного языка отсутствия по норме 1 лица образуют формы типа *ощущу* (43%), *ощутю* (26%), *ощучу* (17%).

Обращает на себя внимание преобладание южнославянского по происхождению альтернанта, поддерживаемого однокоренными образованиями (*ощущать, ощущение*), которое в случаях с глаголами на *-дить* не наблюдается (ср.: *победить – побеждать, побеждённый*, но *побежу, победу*, реже *побежду*). Однако следует отметить рост образования форм типа *побежду* у студентов по сравнению со школьниками (почти в 1,8 раза), видимо связанное с усилением влияния системных однокоренных образований. Люди с высшим образованием предпочитают формы *убежду, убеждусь, учрежду* (73%). Следует подчеркнуть, что многие респонденты (84%) знают о ненормативности данных форм и не только считают необходимым их употребление, но и признаются в использовании их в своей речи в условиях неофициального общения, при этом отвергают формы типа *буду учреждать* и под.

2. Формы 1 л. ед. ч. малоупотребительных глаголов или новообразований фиксируются с восточнославянскими по проис-

---

² Количество снижается к 10 классу, а затем постепенно увеличивается. Видимо, сказывается отсутствие уроков русского языка в старших классах.

хождению альтернантами (обычно в речи студентов) или с утратой чередования: соответственно 69% и 23% для *жижжу/дю, помажу/дю, чажу/дю, цезжу/дю* и 71% и 18% для *колошмачу/тю, баламучу/тю* и под.

Эти данные подтверждаются результатами эксперимента Р.В. Бахтуриной, в котором из 94 участников 77 человек при образовании формы 1 л. ед. ч. от новообразований и глаголов, парадигма которых ограничена спрягаемыми формами, типа *шкодить, руладить, колобродить, комплементить, банкротить* предпочли использовать альтернанты восточнославянского происхождения, и только 17 участников избегают альтернации [Бахтурина 1966]. Показательно, что никто из респондентов нашего исследования и эксперимента Р.В. Бахтуриной не привёл формы с альтернантами южнославянского происхождения /жд/ и /щ/.

3. Наиболее значительный морфонологический разброс наблюдается при образовании форм от глаголов, корневой морф которых реализует альтернант /жд/. 55% школьников и 80% студентов признают кодифицированные формы, а в остальных случаях допускают формы типа *освобожду* (соответственно 35% и 18%) и *освободю* (10% и 2%). При этом альтернант /жд/ чаще всего характерен для определённого круга основ, например: *охлажду, убежду, предупрежду, сопровождаю, услажду, возбужду, насажду*.

Такие формы предпочитают в своей речи и люди с высшим образованием, в том числе и филологическим. Более 82% опрошенных учителей русского языка и литературы (1052 человека за период 1999–2007 гг.) признавались, что не только часто слышали подобные формы, но и сами их употребляли. Интересно отметить, что практически все эти формы совпадают с приведённым М.В. Ломоносовым в его «Российской грамматике» списком из 12 слов с пометой «ЖДУ имеет ЖДАТЬ».

Следует отметить, что и для достаточно устойчивого в современном русском литературном языке типа чередования /г'-щ/ форма 1 л. ед. ч. также может являться слабым звеном в цепи однокоренных системных образований. Затруднения вызывают, как правило, определённые глаголы, чаще всего *воплотить* (-чу – 22%) и *укротить* (-чу – 14%, -тю – 6%). В этой связи следует

отметить, что подобные формы имелись и в XVIII в. для некоторых корней, которые изначально выявили предпочтительность типа чередования, но окончательно с ним не определились в некоторых образованиях. Однако в процентном отношении таких форм 1 л. ед. ч. с альтернантом /ч/ или без альтернации значительно меньше и по сравнению с нормативным вариантом (в среднем по всем группам опрашиваемых около 5%), и особенно в сопоставлении с формами от глаголов на *-дить*, где отклонения от нормы возможны в более широком количественном (в среднем 34%) и качественном диапазоне (*-жу/-жду/-дю*).

Данные эксперимента свидетельствуют о высокой степени вариативности морфонологического оформления формы 1 л. ед. ч. как явления, свойственного системе русского языка. Чем более ослаблена литературная норма, тем разнообразнее отклонения, вплоть до отсутствия альтернации, при этом активизируются не только процессы аналогического выравнивания, ярко выраженные в диалектных системах, но и наблюдается реализация всех возможных для восточнославянского языка потенциалов, включая альтернант /дж/.

Данный альтернант зафиксирован нами в речи пятилетнего ребёнка, при этом влияние украинского языка и диалектов на его появление исключено. Более того, контекст, в котором был употреблён альтернант /дж/ – *я ходю, я не хожу.., я не ходжу* (ребёнок как бы пробует на слух и артикуляцию каждый из вариантов в поисках правильного), – даёт основание считать, что форма *ходжу* возникла в результате контаминации распространённых в детской речи форм *ходю* и *хожу*, при этом ребёнок достаточно осознанно подбирает формы, осмысливая и озвучивая их. Интересны в этом плане и своеобразные «теоретические обоснования» правильности формы, где чётко выражен приоритет формы на *-жу* как литературной нормы: «Надо говорить *побежу*, а не *победю*».

Такое «проигрывание» всех вариантов альтернации (а также её отсутствия), которые имелись и сохранились в системе восточнославянского и русского языка, – явление достаточно типичное для детской речи. И наблюдается оно, как правило, именно в наиболее актуальной для ребёнка в условиях его общения форме 1 л. ед. ч., где её проявление чрезвычайно много-

лико: «Я уже совсем не *истеричу*». «*Следю*, как раскалякан (раскрашен) домик». «Я *плечу* косичку». «*Писну* разок. Ручка, *писай!*». «Я *почистю* зубы и *ляжу*». «*Выблю* ковры и *почистю*». «*Поглочусь* в мир книги». «*Чертю* сейчас». «*Возвращусь* и *расчесусь*» и под. Об этом также свидетельствуют морфонологические варианты типа *увизжу – увидю – увиду, подудю – подужу, возвращу – возвращу – возвратю, лягу – ляжу, кладу – клажу, почистю – почищу* и под.

Как показывают наши наблюдения, в таких случаях значительно не только влияние личных форм настоящего времени или однокоренных образований, но и воздействие наиболее распространённых в речи взрослых формо- и словообразовательных моделей (обычно форм повелительного наклонения), например: «*Ложись!*» – «*Ляжу*». «*Спи!*». – «*Сню*». В этом плане особый интерес представляет контекст, в котором ребёнок активно осмысливает особенности альтернации и одновременно ищет однокоренные – с его точки зрения – образования: «*Не хами!*» – «*Я хамю? Я не хамю! Я не хомлю! Это хомяк хомит*». Под влиянием «взрослых императивов» возникают и несвойственные русскому языку формы типа *походжу* из контаминации *походи* и *похожу* в контексте «*Походи!*» – «*Походжу*».

Подобные примеры из детской речи в совокупности с разнообразными случаями выравнивания у взрослых, происходящими как по линии личной парадигмы типа *освободишь, освободит – освободю*, так и под влиянием системных глагольных и отглагольных образований типа *охлаждать, охлаждённый, охлаждение – охлаждаю*, косвенно подтверждают точку зрения П.И. Житецкого, М.А. Колосова, С.М. Кульбакина, А.И. Соболевского, Ф.П. Филина о позднем появлении /дж/ как результата процессов контаминации и аналогического выравнивания.

В целом, судя по данным нашего эксперимента, необходимо отметить, что в узусе у 76% респондентов отсутствуют запреты на образование форм типа *побежу, победу, побежду*; в 63% случаев преобладает восточнославянская огласовка форм 1 л. ед. ч. малоупотребительных глаголов или новообразований (типа *шкожу, реже – шкодю*) и наблюдается значительный морфонологический разброс в глаголах, которые представляют южнославянский по происхождению тип чередования (типа *охлаж-*

дать, охлажденный), но по современной литературной норме обязанных реализовать в форме 1 л. ед. ч. восточнославянский по происхождению альтернант (формы на *-жу* (67,5%), *-жду* (26,5%), *-дю* (6%)).

Литература

Бахтурина Р.В. Морфонологические условия образования отымённых глаголов с суффиксом *-ѡ/-и-(ть)* // Развитие словообразования в современном русском языке. – М., 1966. – С. 55–74.

Гр. 70 – Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.

Гр. 80 – Русская грамматика. Фонетика. Фонология. Интонация. Словообразование. Морфология. – Т. 1. – М., 1980.

Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. – М., 1980.

Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского языка. – М., 1953.

Тарланов З.К. Глаголы с неполной личной парадигмой в русском языке // Вопросы языкознания, 1979. – № 1. – С. 63–74.

©Бекасова Е.Н., 2008